

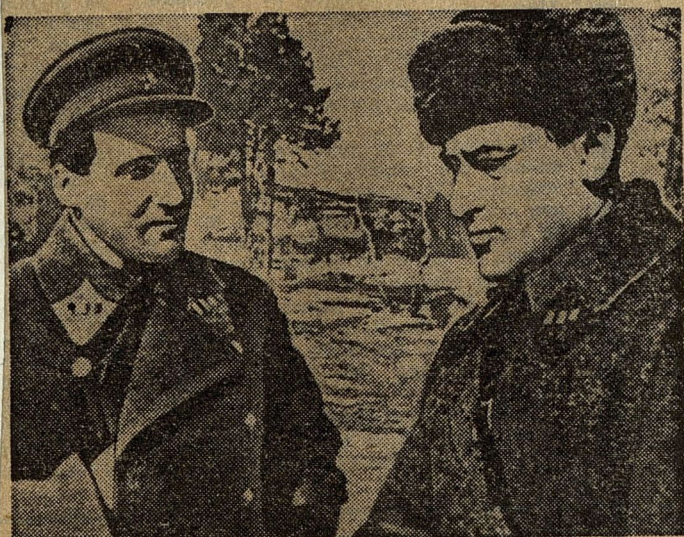
6 DEK 1985

Литературная Россия
г. Москва

Жизнь продолжается

Премьера телевизионного фильма
«Константин Симонов»

К. СИМОНОВ и Е. ПЕТРОВ. 1942 год.

Всенародно известный мемориальный камень, что лежит на Бунинском поле под Могилевом, где Константин Михайлович Симонов завещал развеять свой прах, можно, казалось бы, воспринять как тяжкую точку в конце славного и многотрудного пути писателя.

Но это не так.

Остается слово, запечатленное страницами книг и видеолентами, слово, потребность в котором будет испытываться постоянно: слово о минувшей войне — минувшей в годах, но не в памяти, не в духовной жизни — слово честное и чуткое.

Увиденные две серии телевизионного документального фильма «Константин Симонов» это подтверждают неоспоримо. Его авторы (сценарист Б. Панкин, режиссер В. Трошкин, ведущий М. Ульянов) избрали верную, по-симоновски откровенную и убедительную интонацию, которой чужды нотки пафоса и дифирамба — и понять это можно было просто, наглядно: ведь по ходу фильма мы и то и дело соотносили свое впечатление с фрагментами авторских телеработ Симонова — и диссонанса не возникало.

«Шел солдат...» — называется одна из телеработ К. Симонова. «Шел солдат...» — так можно было бы назвать и фильм о нем самом, потому что по своей писательской и гражданской сути был он истинным солдатом слова, «солдатом до конца своих дней», как сказал о нем народный артист СССР Михаил Ульянов.

Фильм, увиденный нами, — биографический: меняются годы, кадры, снимки — рабочий паренек, военный корреспондент, умудренный увиденным и передуманным седой писатель... Однако это не просто личная биография, но — биография дела. Энергичность и насыщенность этой биографии определили и звучание фильма.

Слово имеет свой резонанс, свое духовное поле притяжения. «По Симонову любили, по Симонову учились дружить, по Симонову учились ненавидеть...» — говорит Борис Панкин о предвоенных годах. «Казалось, что мы все с ним знакомы...» — вспоминает Владимир Карпов о том, как воспринималась в окопах поэзия Симонова, и прежде всего — стихотворение «Жди меня». Да, так оно и было — понимаем мы, слушая других писателей-фронтовиков — Виктора Астафьева и Михаила Дудина.

Судьбу слова не предскажешь — наверняка — удивительные случаи — вещи порой. Вот уже совсем другая война на экране — и снова тянет пушку пехота по жидкой грязи, и снова слезы в глазах оборванных ребятишек — только уже не смоленских и ржевских, а хайфонских: вьетнамский народ дает мужественный отпор американской агрессии. Здесь спустя десятилетия суждено было Симонову услышать строки своего давнего стихотворения: «Жди меня, и я вернусь...» — звучало на певучем вьетнамском...

Через годы перекликаются стихи, перекликаются человеческие поступки. Вот очередной фрагмент архивной записи: Константин Михайлович беседует с молодежью, рассказывая о подвиге восемнадцатилетнего комсомольца 70-х Анатолия Мерзлова, отдавшего свою жизнь на огненной ниве, — и его ровесники 40-х вспоминают писателя.

Вспоминаются потому, что и не забывались никогда. Вот Симонов беседует с маршалом Г. К. Жуковым, с рядовыми Великой Отечественной — сколько таких живых, подлинных свидетельств легко с помощью писателя в документальную летопись о минувшей войне...

Но ведь и это еще не «весь Симонов», и нам представляется возможность вспомнить, как разел писатель о выставках Маяковского и Пиросмани, о судьбе литературного наследия Михаила Булгакова, о памяти своего друга Александра Трифоновича Твардовского...

Почти что в самом финале фильма есть кадры, особо останавливающие внимание: Михаил Ульянов читает Симонову «Слово о словах» Твардовского:

...Я за такой устав суровый..
 Чтоб не мешать зерна с половой,
 Самим себе в глаза пыли;
 Чтоб шло в расчет любое слово
 По курсу твердого рубля.

Симонов слушает — внимательно, строго. И вывод наш синхронно совпадает с уже сегодняшним комментарием Ульянова: в строках этих — «именно тот идеал, который он исповедовал».

...Мемориальный камень на Буйническом поле тверд и весом — как правдивое слово писателя.

А. КАНЮКОВ